

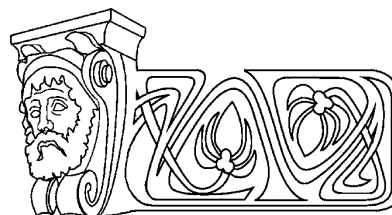

УДК 316.37(470+571)

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ

В.Б. Устьянцев

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: gala@info.sgu.ru

Повышение роли личности в политическом пространстве социума ставит задачу исследования путей персонификации пространственных структур власти. В статье предложены основные уровни пространства власти, соответствующие им политические символы и модели политического поведения. Обсуждаются особенности персонифицированного пространства лидера, факторы его влияния на политическое пространство правящих элит и электората.

Personality in Space of Power

V.B. Ustyanshev

Increase of a personality role in political space of society sets a task of researching of the ways of personification of special power structures. In the article there offered the main levels of psychological space of power, the corresponding political symbols and the models of political behavior. There also discussed particular features of personified space of the leader, phantoms of his influence on political space of ruling elites and electorate.

Социальное пространство обретает для личности жизненные смыслы и становится способом ее существования в процессе взаимодействия коллективных и индивидуальных форм жизнедеятельности. Одни личностные факторы возникают в пространстве малых социальных групп, в малом социальном окружении происходит пространственная самоидентификация личности, закрепляется самость и индивидуальность. Другие пространственные структуры личности открыты к взаимодействию с макросредой, с институциональным пространством, закрепляющим общественный строй и общественный порядок. В непрерывных переходах человеческой бытийственности из микро- в макропространственные структуры происходит перестройка внутреннего пространства личности, психологических интенций, внутренних смыслов и знаковых структур.

Осмысление внутренней связи между бытийным пространством многих и внутренним пространством личности относится к числу антиномий. Проблема впервые была обозначена в античности Платоном и Аристотелем, ее острота в эпоху Возрождения выражена Н. Макиавелли, с особой утончен-

ностью представлена в категорическом императиве Канта, приобрела новое смысловое значение в экзистенциальной философии. На рубеже XX–XXI веков соотношение внешних и внутренних пространственных структур в существовании личности приобретает самые различные дисциплинарные дискурсы, становится объектом пристального внимания широкого круга исследователей. В современной теории социального управления получает распространение точка зрения, что «структуру социального пространства можно увидеть внутри любого субъекта деятельности» и, с другой стороны, «личность структурирована в соответствии со структурой социального пространства»¹. Обнаруживается антиномия, разрушение которой невозможно на уровне традиционного поиска параллелей между внутренними и внешними пространственными структурами личности.

Думается, что в наши дни философское осмысление пространственных структур личностного бытия наиболее интересно в той эмпирической среде, где внешние и внутренние структуры подвижны, не давят в исследовательских процедурах и дают возможность увидеть новые проблемы. Такой благодатной эмпирической средой мне представляется пространство власти, а главная проблема предлагаемого исследования заключается в выяснении особенностей «погружения», обживания этого пространства личностью.

Основания пространства власти реализуются в политическом порядке. Этот порядок не ограничивается сферами должного во властных отношениях и включает рациональные и иррациональные отношения общественных сил, политических движений, отдельных личностей по отношению к политическому строю². Одобрение или протест по поводу проводимых государством решений, демонстративная поддержка или негативный эмоциональный всплеск в отношении дейст-

вий главы государства и его «команды» находят свое место в структурах политического пространства. Регулятивную функцию в таком структурировании занимают политические символы, образующие знаковые ряды и ментальные цепочки, пронизывающие всю политическую жизнь.

Символы, основанные на достигнутых однотипных стандартах политических действий, установленных социальной системой, становятся необходимыми факторами устойчивости политического пространства. Ключевая проблема всякого правительства – добиться положительного отношения личности (а в политико-правовом контексте – гражданина) к установленным политическим символам и обеспечить динамичное функционирование политического пространства, стабильность политического порядка. В начале XX столетия М. Вебер стремился обосновать идею о прямой зависимости созданного в обществе политического пространства (политического порядка) от ценностных ориентаций личности. Легитимность политического порядка, по его мнению, может быть гарантирована только внутренне: эмоциональной преданностью, рационально осознанной верой в его абсолютную значимость; или «религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка»³. Поставленная М. Вебером проблема духовного пространства властных отношений, преломляемых в сознании личности, может развиваться по разным направлениям. Думается, что различные ценностные отношения личности к существующим формам политического пространства (включая политический порядок), могут и должны выражаться в форме знаков, образов, символов. В этой связи возникает вопрос о выделении различных видов политических символов, которые образуют различные уровни психологического пространства власти, и выражают степень участия личности в движении психологических пластов политического порядка.

Речь может идти, по крайней мере, о трех структурных уровнях пространства власти. *Исходный уровень* этого пространства образуют социально-психологические общности, «мы» и «они», имеющие определенные политические символы. Благодаря своей элементарности эти общности объединяют

самые различные политические силы, социальные группы, слои, которые по-разному проявляют себя в обществах демократического и тоталитарного типа, обретают разный психологический облик в зависимости от состояния социальной стратификации, уровня жизни, социальной и правовой защищенности. Психологическое «мы» может возникать в недрах враждебного окружения. Подвергаемые политическому давлению группы «мы» (маргинальные слои общества) противостоят политическим силам и институтам власти, которые выражены в массовой психологии как враждебные «они». Социально-психологическая общность «мы» отличается достаточно простыми, сходными мотивами поведения, установками, настроениями, обращенными к власти. Эмоциональная преданность индивидов как выразителей недифференцированной массы людей «своей», «нашей» власти сопровождается демонстративным неприятием «чужой» власти, чужого порядка, чужих норм. «Мы» выталкивает политические сомнения, враждебные чувства вовне. Источником политической опасности, агрессии, войны в политической психологии становятся «они». Довольно часто смутное, слабо персонифицированное «они» на уровне социальной психологии предстает преградой на пути к цели, мистифицируется, вызывает массовое негодование. Слияние в состояниях «мы» и «они» субъектов и объектов политической власти культивирует благоприятную почву для политического мифотворчества, утопизма, идеологических доктрин вождизма. Регулирование этого уровня пространства предполагает систему символов, включая образы сильной власти, мудрого правителя или решительного волевого политического лидера. Российские мыслители XIX века постоянно подчеркивали скрытую силу и опасность пульсирующего пространства для стабильности политического порядка. «Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей»⁴.

Символы, основанные на моральном авторитете правителя и эмоциональной преданности порядку, имеют особенно важное значение в обществе, где отсутствует разви-

тая нормативно-правовая база демократического устройства. Состояние «мы» остро нуждается в сохранении своего внутреннего пространства, и политическая власть всячески стремится поддержать эту психологическую потребность. Политические демонстрации, митинги, манифестации в поддержку «нашей» власти заполняют пространство бурными эмоциональными всплесками, закрепляются массовыми демонстративными действиями. Политические лозунги, плакаты-образы, флаги, музыка усиливают эмоциональный накал, и символы политического порядка становятся необходимым элементом бытия «мы», прочно закрепляются в коллективном и индивидуальном сознании. Именно к такому социально-психологическому фону порядка стремится власть, не завершившая устойчивое закрепление прав и свобод личности в нормах права и в юридической практике.

Другой уровень пространства раскрывается в институциональных структурах власти, в поведении и символике правящих элит. В зависимости от строения элитарной группы социальные факторы приобретают различное содержание, изменяют механизмы реализации властных отношений. В закрытых правящих элитах, представленных институциональными структурами власти, политические связи предельно стандартизированы. Психологическое поле личной власти лидера-вождя, образуя центральное поле власти, в закрытой элите пронизано бюрократической ментальностью, обнаруживающей поразительно устойчивые контакты жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, опирающихся на глубинные слои коллективного бессознательного, присущие данному обществу⁵. В этой психологической ментальности политическое окружение лидера формируется по принципам личной преданности. Номенклатурная психология устраняет всякую возможность критического отношения к действиям лидера со стороны политического окружения. Во внешней для господствующей элиты среде вождь становится олицетворением верхних эшелонов власти.

Иная структура пространства власти складывается во взаимоотношениях властвующих элит открытого типа. Отсутствие

жесткой корпоративности и замкнутости элитарной группы приводит к притоку новых членов, создающих динамизм психологического климата, ролевой плюрализм в группе. Психологическое влияние лидера на группу контролируется рациональными моментами: систематизированным жизненным опытом, целями политической деятельности, прагматическим умением ориентироваться в изменяющейся политической ситуации в соответствии с интересами группы.

Стремясь сохранить свое положение в институциональной структуре политического пространства, открытые элиты стараются закрепиться в пространстве власти, используя символы демократического общества и представительной демократии, ценности плюрализма и свободы. Возможности реализации способностей и интересов отдельной личности определяются принадлежностью к элитарной группе и местом в ролевом пространстве. Открытая элита благодаря притоку новых членов, имеющих собственный жизненный опыт, высокий социальный статус, требует от каждого участника психологического и интеллектуального напряжения. Желание сохранить статус в элитарной группе заставляет политиков искать поддержку во внешней среде, завоевывать доверие и политические симпатии других политических и социальных общностей.

В жизни политических элит современной России обнаруживается сочетание признаков элит закрытого и открытого типа. Демонстративная приверженность символам представительной демократии сочетается с латентными проявлениями бюрократической ментальности и номенклатурной психологии. Корпоративность интересов правящих элит все более соответствует ориентациям на демократический элитизм, когда «демократическое участие в сложных современных обществах будет неизбежно ограничиваться главным образом лишь участием в периодических выборах политических лидеров»⁶. Аморфная политическая культура российского электората, преобладание в политической психологии символов и противопоставлений «мы» и «они» превращает символы демократического элитизма в структурный элемент пространства власти, где психология социальных низов перестает играть заметную роль в структуре политического порядка.

Установившиеся взаимоотношения между уровнями пространства, созданного разными субъектами политических действий (электоратом и правящими элитами), определяют жизненное пространство личности, которое концентрируется в образе и поведении политического лидера. В предельно широком плане личностный уровень пространства власти обнаруживается в процессе персонификации политической жизни. Политическое пространство, персонифицированное в личности, приобретает у разных индивидов различные психологические оттенки: от мощного психологического стремления к первенству, чувству престижа, желанию доминировать над чужой волей у одних типажностей до политической усталости, инфантильности, готовности подчиниться чужой воле – у других. В этом пространстве есть свой центр притяжения – стремление к власти. Внутренний властный потенциал индивида в сочетании с властно-принудительными полномочиями, полученными от общества, приводит к утверждению личности политического лидера.

Доминирование властной воли лидера над волей других людей происходит в реальном и многоликом психологическом пространстве. Возникает несколько социально-психологических контактных зон, образующих ось персонификации политической власти. Она очерчивается при воплощении властного потенциала личности в конкретную социальную роль «вождя», «государственного деятеля», «лидера партии». Внутреннее «Я» личности и внешний мир властных отношений постоянно контролируются в пространстве личности состояниями самости или силой воли. Как психологический феномен самость (самовласть), выражает способность личности подчинять свой мир эмоций, чувств, стремлений избранному политическому символу-имиджу. Этот имидж не может быть произвольным, его информационная емкость должна соответствовать образу государственного деятеля, сформировавшемуся в психологическом пространстве массы.

Помимо социальных оснований символ-имидж лидера связан с психологической перестройкой личности. Персонифицированный образ власти открывает путь к созданию особой психологической оболочки личности,

закрепленной в символе-имидже, необходимой для обретения личной власти. В образе политического лидера – главы государства должны быть представлены желаемые для политической психологии электората черты элитарности и простоты, строгости и требовательности, способности к инновациям и развитого чувства долга. Созданный имидж политического лидера оказывается для человека, ставшего президентом, «железной маской» и превращается в символ национально-возрождения.

Таким образом, личностный уровень политического пространства, с одной стороны, синтезирует жизненный опыт индивида, его психологическую работу над собой, обретение политической самости; с другой – должен выражать эмоциональную веру людей, уставших от социальных последствий экономического кризиса, имеющих низкий уровень политической и правовой культуры, мечтающих о достойной жизни для себя и своих детей в новом веке. В политическом пространстве правящих и оппозиционных элит, вступивших в борьбу за власть в XXI веке, преобладает образ политического лидера, демонстрирующего демократизм, способность к правильным решениям, взаимодействию с различными институтами государственной власти и различными политическими движениями. Такой образ создается усилиями политического окружения и влияет на ментальные структуры уставших от обещаний и остающихся доверчивыми россиян. Важнее другое – чтобы политик, возводимый в ранг символа национально-возрождения, не оставался лишь символом, а становился гарантом экономической и политической стабильности и правового порядка.

Примечания

¹ Актуальные проблемы социологии управления (Материалы круглого стола) // Социс. 1998. №2. С.104.

² См.: Устьянцев В.Б. Политический порядок: структура и ценностные основания // Философия и социология власти. Саратов, 1996.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.639.

⁴ Карамзин Н.М. Заметки о древней и новой России. М., 1991. С.27.

⁵ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 4 т. М., 1999. Т.2. С.170.

⁶ Юнг К. Человек и его символы. М., 1998. С.159.